

В СТИХОТВОРЕНИИ Евгения Евтушен-ко "Северная надбавка" имеются такие строки: "За что эта северная надбавка? / За — вдавливаемые выюгой внутрь глаза, / за — мороза́ такие, / что кожа на лицах, как будто кирза". Край неласков, колюч и жёсток, но он же изумительно красив. Бескрайность вотчин Снежной Королевы, где повсюду видит-ся и слышится "Вечность" — слово, которое так и не сумел собрать мальчик Кай. Тот, кто по-любит Север, будет ностальгировать по нему и всегда возвращаться. Другое дело, что он принимает не всех, но лишь сильных, смелых и великодушных. "Чей разум угадал сквозь льды / Давно желанный путь, / Куда ничьи не шли следы, / Где замерзает ртуть", — как писала Анна Ахматова в стихотворении "Севморпуть". "Не для туристов" — так называется картина Игоря Рубана, сотворённая в середине 1960-х, когда всё было пронизано романтикой преодо-ления. На полотне феерия красок — от прон-зающей синевы до ало-оранжевых кострищ северного сияния. Полярная станция, огоньки, провода — здесь обитают люди-кремни, из-бравшие высокий путь. Поэтесса Юнна Мориц в "Мысе Желания" отмечала: "В зеркале Арктики видно, кто ты есть и какова цена твоей лично-сти, твоих поступков, твоего ума и таланта быть человеком. Чувство Арктики — это подарок судьбы ...это — божественное богатство и мо-розоустойчивость к общественным мнениям".

Что касается художника Виктора Рубана, то он, разумеется, не был туристом. Рубан с

СЕВЕР ЗОВЁТ

Экспозиция «Арктика. Полюс цвета» в Третьяковской галерее

1940-х годов участвовал в опасных экспедици-ях и ледокольных маршрутах, входил в состав зимовщиков на дрейфующих станциях, испы-тав на себе сложный быт полярников. Он рисо-вал и писал ежедневно. Волновало всё: погода и природа, животные, воды, ледоколы, ярчай-шее солнце, когда оно являлось после много-месячной полумглы. Следом началась Антар-ктическая сага — и снова белые пространства и страсть к постижению.

Итак, мы на выставке "Арктика. Полюс цве-та", что проходит сейчас в Государственной Третьяковской галерее. Собраны полотна, рисунки, скульптуры, инсталляции. На сопро-водительных стендах — познавательная ин-формация, иной раз презабавная: допустим, отмечается, что белый медведь и пингвин мо-гут встретиться лишь в зоопарке. Наверное, для кого-то сие — откровенье, ибо с географи-ей у большинства ныне плоховато.

НАШЕ ОСВОЕНИЕ Севера затеялось в галантном осьмнадцатом столетии, ког-да Битус Беринг, один из "птенцов гнезда Петрова", командовал Первой и Второй Кам-чатскими экспедициями. Среди экспонатов — деревянная скульптура Беринга, созданная Аделаидой Пологовой в конце 1980-х годов. Фигура героя несколько гротескна — в духе всех работ Пологовой, предпочитавшей юмор, экспрессию, мимолетные впечатления, что нелегко даётся ваятелям.

В качестве арт-объекта Арктику стали рас-сматривать в конце XIX — начале XX века, тогда же поэты и оккультисты увлеклись "вол-шебством полюса" и "мистериями льда". В моду вошло противопоставление приземлён-ного, хотя и роскошного Юга — заповедному Северу. Художники воспринимали край вечной мерзлоты как неизведанную даль, которая ин-тереснее, чем виды Флоренции, петербургские колонны и усадебные парки.

На выставке — целый ряд произведений Константина Коровина. "На полу — раскрытые чемоданы. Я укладываю краски, кисти, моль-берт и бинокль, меховую куртку, бельё, боль-шие охотничьи сапоги, фонарь и целую аптечку. Ружья я не беру; я еду на Дальний Север, на Ледовитый океан, писать с натуры. А возьмёшь ружьё, начнётся охота, и какие же тогда этюды? Беру только несколько крючков для рыбной ловли и тонкую английскую бечеву и груз. Беру и компас", — перечислял он в своих записках.

Полярный цикл неярк. Тут всё больше серо-голубого тона и строгости. "Охота на моржей", "Белые медведи", "Северное сияние" — это, с одной стороны, экзотика, а с другой — этно-графические свидетельства. Коровин общался с местным населением и делал выводы, что перед ним вовсе не дикари, но представители особого вида сапиенс, различающие до соро-ка оттенков белого цвета. Для художника это открытие, поскольку видеть нюансы белизны дано не каждому живописцу, а тут простые олениводы, ничего не ведающие, кроме своей великой равнины да горизонта, уходящего в бесконечность.

Константин Коровин в содружестве с Нико-лаем Клодом оформлял павильон "Крайний Север" на XVI Всероссийской выставке в Ниж-нем Новгороде, называемой в просторечии Ни-жегородской ярмаркой. В экспозиции представ-лены "Киты", "Птицы", "Ловля рыбы" — здесь

уже видна эстетизация в духе ар-нуво, дабы завлечь обывателя.

Приковывают к себе картины Александра Борисова — для него Арктика стала генераль-ной темой в искусстве. Ученик Ивана Шишкина и Архипа Куинджи, он совершил ряд продол-жительных экспедиций на Новую Землю, в Пе-чорский край и на остров Вайгач. Сейчас имя Александра Борисова подзабыто, но в своё время его льды, снега и камни производили фурор — Павел Третьяков купил у мастера более пятидесяти борисовских работ. Особо впечатляет "Закат": тёмно-серые глыбы, по-крытые мглой, и — резкая полоса прощально-го солнца. Илья Репин с похвалой отзывался об опытах Борисова — дескать, они "...стро-го нарисованные и необыкновенно правдиво на-писанные... Берега, дали, лодки, самоеды в оленьих шкурах... всё это дышит у него осо-бенной красотой Ледовитого океана и произво-дит впечатление живой правды".

В 1920–1930-х годах покорение ветров, льдов и холодов было не только народнохо-зяйственной задачей — вырисовывался образ мечтания. "Сдавайся, ветер выюжный, сдавай-ся, буря скверная, / открою полюс Южный, а Северный — наверное", — рапортовал Вла-димир Маяковский. Элитой элит считались по-лярные лётчики, возник и типаж идеального героя — Сани Григорьева из "Двух капитанов". Подростки грезили полярными зорями и учили морзянку.

В сказке Валентина Катаева "Цветик-семи-цветик" девочка тратит третий, синий, лепе-сток, чтобы оказаться на Северном полюсе: "Пришла Женя во двор, а там мальчики игра-ли в папанинцев: сидят на старых досках, и в песок воткнута палка. "Мальчики, мальчики, примите меня поиграть!" — "Чего захотела! Не видишь — это Северный полюс? Мы девочонок на Северный полюс не берём". — "И не нужно. Я и без вас на Северном полюсе сейчас буду".

В экранизации "Золотого ключика" Алексея Толстого кукол спасает полярный лётчик, при-летевший на волшебном корабле.

Живописец Фёдор Решетников, которого мы знаем по хрестоматийной картине "Опять двойка", в 1930-х годах участвовал в экспеди-ции Отто Шмидта на ледоколе "Сибиряков", а позже — на том самом "Челюскине". За судь-бами челюскинцев, затави дыхание, следил весь цивилизованный мир. В нечеловеческих условиях Решетников продолжал рисовать с натуры — это был настоящий подвиг творца. Главное — не сдаваться! Спасённая команда с триумфом вернулась в столицу, а зарисовки челюскинской эпопеи сделались предметом гордости молодого художника. За эту экспеди-цию Решетникова наградили боевым орденом Красной Звезды.

Те быстрые эскизы Решетников использовал через сорок лет, когда разрабатывал живопис-ный цикл — рассказ о челюскинцах и их спаси-телях. На выставке можно увидеть эпохальное полотно "Первые герои", написанное в 1970-х годах. Это коллективный портрет, где изобра-жены первые Герои Советского Союза — Ана-толий Ляпиловский, Василий Молюков, Си-гизмунд Леваневский, Михаил Володьнов, Николай Каманин, Иван Доронин и Маврикий Слепнёв. Когда-то эти фамилии гремели, их знали все — от профессоров до уголовников, от пионеров до ветхих стариков, помнивших

ещё царствование Александра II. Полярные полубоги — вот были настоящие звёзды и на-родные кумиры.

Замечательны картины Александра Мерку-лова, посвятившего себя арктическим видам: "Самая северная электростанция. Тулома" и "Там, где спасали Нобиле". Этапы большо-го пути. "Первая Ленская во льдах" Алексея Рыбникова напоминает о Ленской экспедиции, в которой участвовал сам автор. Ему же при-надлежат картины "Игарка. Пристань", "Общий вид бухты Тикси", "Питомник ездовых собак. Остров Диксон". Творческие люди не трепа-лись на кухнях, а устремлялись туда, где труд-но, а порою страшно.

В ОТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х, на вол-не хрущёвской оттепели зародился так называемый суровый стиль. Он, вопреки внешней прямолинейности, оказался психо-логичен и тонок. Фон самый грубый — серые небеса, холод вод и скупая натура. Несмотря на склонность к индустриальной тематике, в суровом стиле явственно прослеживалась ре-абилитация "Бубнового вальета", сезаннизма, фовизма. Актуальным было и созвучие с за-падными корифеями, например с Рокуэллом Кентом.

Арктические будни как нельзя лучше подхо-дили "суровым" художникам. Братья Александр и Пётр Смолины пишут своих "Полярников" в кентовской манере — острые линии, контраст-ные тени, лапидарная палитра. Мужчины по-гружены в себя и существуют на полотнах как бы отдельно друг от друга. Это характерная черта "суровой" живописи. Каждый — носитель собственной вселенной.

Сияние полярных снегов, привычки олениво-дов, труд полярников — главные темы в твор-честве Андрея Яковлева. Уроженец Москвы, он с юности бредил Севером. После оконча-ния вуза работал на Шпицбергене, создал се-рию картин и написав книгу "В семи сантиме-трах от полюса". Затем он посещал Колыский полуостров, Чукотку и Таймыр, участвовал в строительстве БАМа как бытописатель и офор-митель. В экспозиции представлены его по-лотна 1960–1980-х годов, такие как "Охотник", "Счастливая", "Быть в тайге городам". Везде — радость и уверенность. Север — это не только мерзлота, но и радушие. Как весело смеётся чукотская девушка, позировавшая для картины "Счастливая"! Особое внимание уделено само-бытности ненецких художников — Тыко Вылки и Константина Панкова, чьи работы отражают глубоко-аутентичный взгляд на Арктику.

Экспозиция широка и разнопланова. Тут объединились два начала — культурно-худо-жественное и научное. Арктика по сию пору — не до конца разгаданная тайна. "Мы идём туда добывать ещё один драгоценный фонд для русско-го народа ресурс — ресурс пассионарности, крылённой мечтательности, могучей воли, не-одолимой уверенности, что во все века делали русских великим непобедимым народом. Идём в этот край сверкающих льдов и полярных ра-дуг, как двигались туда наши предки, связы-вая с Арктикой мечту о земле обетованной, о Беловодье, о стране божественной справед-ливости, благодати и вселенской любви. Мы устремляемся к Северному полюсу, как к за-гадочной точке, где сходятся магнитные поля планеты, бшуют прозрачные полярные вспло-хои, где Земля своей пуповиной соединяется с бескрайним Космосом. И через эту пупови-ну лютуют на землю животворящие небесные силы", — сказал Александр Проханов, и его речь — стопроцентное дополнение к выставке.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: «Северное сияние». Ху-дожник Тыко Вылко. 1950-е гг.

ДУШЕНОВ

Воин-монах

Мы продолжаем презентацию проекта "Свето-чи", размещённого на сайте завтра.ру. Проект по-свящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газе-той "Завтра".

СУДЬБА КОНСТАНТИНА Юрьевича Душенова (2 февраля 1960 г. — 13 февраля 2024 г.) изо-биловала множеством крутых поворотов, но при этом в главном своём измерении, можно сказать, оставалась прямой. Внук репрессированного в 1938 году первого командующего отечественным Север-ным флотом (ныне — крупнейший морской военный флот России) Константина Ивановича Душенова, встретившего Октябрьскую революцию моряком ле-гендарного крейсера "Аврора", а затем известного организацией спасения участников полярной экспе-диции И.Д. Папанина, и сын ветерана Великой Оте-чественной войны инженер-капитана первого ранга Юрия Константиновича Душенова, он с семнадцати лет пошёл по "семейной" военно-морской линии, служил кадровым офицером на атомных подводных лодках, был награждён медалью "За боевые заслу-ги", участвовал в эпопее с аварией АПЛ К-324 в Сар-гассовом море осенью 1983 года, после чего в 1985 году был зачислен в адъюнктуру по специальности "военная история" и готовил диссертацию на тему "Военно-морские силы капиталистических государств в локальных войнах и вооружённых конфликтах по-сле Второй мировой войны" (стоит подчеркнуть: дело было по горячим следам Фолклендской войны, и тема являлась более чем актуальной).

Но уже началась горбачёвская "перестройка", кото-рая переписала множество судеб не только отдельных личностей, но и государств, и даже "мировых идей". Душенев тоже был подхвачен этим вихрем событий и в итоге в 1987 году оказался исключён из КПСС с отчислением из рядов отечественного военно-морско-го флота. Трудно сказать, какую роль в этом сыграла реакция "верхов" на предложенные молодым моря-ком-подводником реформы на флоте, а какую — вну-тренние изменения его мировоззрения (кредитился в том же 1987-м), но уже в начале 1990-х годов он ока-зался в ближайшем окружении митрополита Санкт- Петербургского и Ладжского Иоанна (Снычёва) — а с его влиянием связывали (или даже приписывали ему авторство) многие работы, выходящие под именем тогда "второго человека" в иерархии Русской право-славной церкви, в том числе статьи "Быть русским!" и "Тайна беззакония" (1992), книги "Битва за Россию" (1993) и "Самодержавие духа" (вышла уже в 1996 году, после внезапной кончины владыки Иоанна в конце 1995-го). В то время К.Ю. Душенев воспринимался в патриотических кругах российского общества прежде всего как один из "духовных детей" архипастыря, про-тивостоящих распространению в РПЦ экуменических, "общечеловеческих" тенденций. Тогда же началось его взаимодействие с газетой "День" (после "чёрного октября" 1993 года — "Завтра"), появились и первые авторские публикации К.Ю. Душенова на страницах нашего издания.

Его общественно-политическая активность того периода была более чем заметной — "перехлёстов" и связанных с ними рисков Душенев никогда не то что не избегал — они являлись неотъемлемой ча-стью его жизни, его личности, его склада характера. С 1993 года он был членом редакционного совета, а в 1997–2010 годах — главным редактором созданной по благословию владыки Иоанна газеты "Русь Право-славная", а также соучредителем её интернет-вер-сии, позже трансформированной в "Русскую линию" и "Русскую народную линию", на президентских вы-борах 1996 года как член Центрального совета ВОГД "Духовное наследие" Алексея Подберёзкина поддер-живал кандидатуру Геннадия Зюганова (считается, что роль Душенова в сближении КПРФ 1990—2000-х годов с православием также достаточно велика), при-нимал участие в создании движения "Жить без стра-ха иудейской!" (совместно с Михаилом Назаровым), в 2005-м вошёл в состав руководства восстановленного по инициативе скульптора Вячеслава Клыкова Союза русского народа. В 2010 году был осуждён по "русской" статье 282 УК РФ (пункт "в", часть 2) на три года лише-ния свободы за публикацию в 2005 году письма 5 000 представителей русской общественности с требовани-ем закрыть на территории РФ все религиозные и на-циональные еврейские объединения как экстреми-стские, а также за другие действия, квалифицированные как "умышленное возбуждение вражды и ненависти к лицам еврейской национальности и иудейского веро-исповедания"; освобождён по УДО в ноябре 2012 года, после чего началось его более тесное сотрудничество с телеканалом "День ТВ" и газетой "Завтра". За период до 2022 года появилось более тысячи видео с его уча-стием и соответствующих газетных публикаций. Благо-даря экспрессивной подаче зрители прозвали его "поп с автоматом", хотя в священнослужители его, конечно, никто не рукополагал (отношения его с церковными структурами, прежде всего с Московским Патриарха-том, долгое время оставались сложными), но ролики Константина Душенова пользовались огромной по-пулярностью и во многом способствовали тому, что "День ТВ" собирал многотысячную аудиторию, а также был удостоен сначала "серебряной", а затем и "золо-той кнопки" "Ютуба".

МНОГОЛЕТНЯЯ АКТИВНАЯ патриотическая общественная позиция Константина Юрьевича, никогда не боявшегося идти против тече-ния (вернее — против течений, порой скрытых, "под-водных"), связанные с этой позицией перегрузки, как и перенесённое им заключение (условия которого бывшему морскому офицеру, а теперь — "право-славному монахисту" всячески пытались ослабить многочисленные и порой неожиданные "борцы с ме-жнациональной рознью"), во многом стали причиной двух инсультов, от последствий которых он, приняв-ший незадолго до того тайный монашеский постриг под именем Иоанн (утверждается, что в честь еванге-листа и апостола Иоанна Богослова, бывшего также небесным покровителем митрополита Иоанна (Сны-чёва)), так и не смог восстановиться.

"Государственная власть в России становится стабильной и прочной, эффективной и дееспособ-ной только тогда, когда в основу её деятельности положены коренные интересы русского народа. По-тому что именно Русский народ — единственный народ, кровно заинтересованный в сохранении и укреплении Российской империи, какие бы поли-тические формы она ни принимала на протяже-нии своей бурной тысячелетней истории", — эта выношенная им за годы жизни мысль и сегодня остаётся с нами. Впрочем, как и многие другие идеи, которые последовательно отстаивал на про-тяжении своей жизни Душенев, — например, запо-веданное ему владыкой Иоанном убеждение, что "нет ни красных, ни белых — есть русские", к числу которых относятся не только "русские русские", но и представители других этнических сообществ, кото-рые по своему образу мыслей и действий являются частью Русского Мира, и это утверждение сегодня наглядно подкрепляется практикой Специальной военной операции по демилитаризации и денаци-фикации Украины, масштабы которой, как отмечал Константин Юрьевич в одном из своих последних выступлений цикла "Если завтра война...", неспо-ставимы ни со спецоперацией в Сирии, ни с Крым-ской весной. СВО стала прямым противостоянием не только неонацистскому киевскому режиму, но и всему либерал-глобалистскому Западу. Пока — в форме "гибридного конфликта на истощение". Ду-шенев желал нашей победы в этом противостоянии и всеми силами старался приблизить её.

Владимир ВИННИКОВ

* Видеохостинг нарушает законодательство РФ

ЗАМЫСЕЛ И ПРОМЫСЛ

Литература как Восьмой день творения

ОСОБАЯ СИЛА ведёт писателя. Таинственная, неуловимая, ни-чем не измерима. Но с ней вся-кий автор больше себя самого. Боль-ше своего таланта, ума и опыта. Не в трудностях, не в собранности и даже не во вдохновении скрыта эта сила. Она сродни той, что рождает в мире всё сущее. В ней цельность и разви-тие предшествуют рождению, как об-раз огромного дерева предшествует горчичному зерну, из которого дереву предстоит разрастись.

Имя этой силе — Замысел. Но не тот, что называют "авторским", не тот, что складывается из персона-жей, сюжетных линий, метафор. Это Предвечный Замысел, который не принадлежит писателю. Но писатель принадлежит ему. Да, такой Замысел умножает дарование, но он своеов-лен и непредсказуем.

Порой ты полон слов и видений, в тебе живёт волнение, нетерпение, но Замысел от тебя отступил, и словно не стало той мощи, что способна сдвинуть с места длинный состав, — и то, что, казалось, цело пыльным цветом, пре-вратилось в бесплодную смовоичну. А порой ты изнемог, всё тебе немиле, слово тягостит, сюжет наскутил, герои раздражают — всё зашло в тулик и кажется мёртвым, но Замысел набра-сывает на тебя лямку, и ты стонущим бурлаком тянешь неподатливую баржу, движешься от замысла к воплощению.

Предвечный Замысел приходит тогда, когда творчество становится

необходимостью. Когда в каком-то не-изъяснимом наитии ты коснулся того, в чём будет не самовыражение, а ми-ровыражение. Когда твой чистый лист оказался белым пятном бытия и За-мысел дал тебе чернилла, которыми ты станешь писать на своём листе, за-полняя зияющую пустоту. Предвечный Замысел находит в райском саду нечто непоименованное и призывает тебя дать этому имя: оно может и уложить-ся в стихотворную строку, и вырасти в целый роман.

НО ВСЯКИЙ писатель тоже свое-нравен. Его воля неминуемо столкнётся с волей Замысла. Буд-дет бунт, недовольство, но потом, быть может, приятие и умиротворение. Пи-сатель подобен Иакову, что, сам не веда-я того, борется с Богом, а после говорит: "Не отпущу Тебя, пока не благосло-вишь меня". Из такого борения литера-тура знает четыре исхода.

Получалось и получилось. "Мой дядя самых честных правил", — от строфы к строфе, от строфы к стро-фе... Писал, как дышал, как лел, не сбиваясь, не умолкая, не отрываясь. Сиял солнцем над русской жизнью. Пил божественный глоток.

"Я согласен на медаль", — и вот она, целая "Книга про бойца", у которой ни начала, ни конца, словно Замысел помог Твардовскому вынуть из жизни что-то треплетное, плодотворное и пере-садить в литературу. И прижилося, уо-ченилось, дало плоды.

Не получалось, но получилось. Не-красов уже лел последние песни, уже видел роковую черту, а его мужики всё не знали, кому на Руси жить хоро-шо. Дошли до попа и помещика, а до царя путь ещё был долг. И Замысел сократил этот путь: явил поэту Гришу Добросклонова: "Слышал он в груди своей силы необъятные, / Усполадили слух его звуки благодатные, / Звуки лучезарные гимна благодарного — / Пел он воплощение счастья народ-ного!" "Вот он, счастливый русский человек, хорошо ему жить", — сказал Предвечный Замысел. Юлия Друни-на, совсем ещё девочкоа, выходит во время войны из окружения. Она хранима Замыслом. Она несёт сви-детельство. Груз тяжёл и тянуче. Ворох строчек на целую поэму гнёт к земле. Замысел сбросит всё лишнее, остав-ит только четыре строки — ёмкие, огненные, исповедальные: "Я только раз видала рукопашный, / Раз наяву. И тысячу — во сне. / Кто говорит, что на войне не страшно, / Тот ничего не знает о войне".

Получалось, но не получилось. Горит второй том "Мёртвых душ". И хочется броситься к огню, вырвать у него то же бы страницу, хотя бы сло-во. Донесутся в пересказе современ-ников скудные фрагменты. Горьким голыевским смехом останутся нам черновики и обрывки. Замысел суро-во посмотрит на писателя, и в этой суровости то ли осудит его, то ли по-требует от него мужества и смирения.

Михаил КИЛЬДЯШОВ